

СУД

ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ

драмы на Ильинке

О междоусобице стало известно после публичного заявления заместителя председателя суда Николая Витрука. Он призвал Валерию Зорькина подать в отставку и пообещал, что если его требование не будет удовлетворено, то уйдет сам. Витрук утверждал, что на его стороне «большинство Конституционного суда».

ЗАВЯЗКА

То, что Конституционный суд дольше других смог сберечь мидж дружно работающей команды единомышленников, объясняется личными стараниями судей, но не отсутствием противоречий. Изначально в мантри оказались облачены люди, слишком самостоятельные в суждениях, чтобы играть в «монолог». Споры по обсуждаемым делам порой накаляли суд до предела. Но у судей неизменно хватало профессионального такта, чтобы не выносить их за пределы совещательной комнаты.

То же самое произошло, когда несколько судей не согласились с участием Валерия Зорькина в политических коллизиях конца минувшего и начала нынешнего года. По их мнению, речь шла о прямом нарушении пункта 3 статьи 14 Закона о Конституционном суде: «судья не может участвовать в политических акциях». В это же время ельцинская команда сделала вывод, что не только Верховный Совет или презид, сколько Конституционный суд является главным препятствием на пути к президентскому сценарию: «авторитаризм, новая конституция, роспуск нынешних законодательных структур». Препятствием потому, что только суд может объявить шаги президента незаконными, а свои решения окончательными и не подлежащими обжалованию.

Как выяснилось из частных бесед, чуть ли не три четверти судей поддерживают ельцинский сценарий. Но это — в личном качестве, как юристы. А как члены суда — будут отстаивать нормы конституции 1978 года.

КОНФЛИКТ

Одно из слабых мест Зорькина — неспособность к «шахматным» закулисным играм, с вычислениями на много ходов вперед. К тому же председатель оказался слишком искренен в своем стремлении «сделать всем хорошо», чтобы хладнокровно играть в большую политику. И по-человечески был обижен тем, что Ельцин его отталкивает... Метания Зорькина наводили на мысль, что нервы у него на пределе.

Те судьи, которые давно отговаривали его от увлечения кремлевскими пьесансами, теперь уже с трудом сдерживают недовольство. Николай Витрук (работавший в течение более пяти лет начальником Зорькина на кафедре государственно-правовых дисциплин Высшей юридической заочной школы МВД СССР, а теперь его заместитель) бросил вызов первым. Неожиданно для многих он перешел с позиции ревностного защитника ныне действующей конституции (в написании которой в свое время участвовал) на столь же ревностную защиту предложений Ельцина, одновременно критикуя Зорькина. К нему присоединились Эрнест Аметистов, Анатолий Кононов, Владимир Олейник. В то же время за Зорькина выступают Гадис Гаджиев и Борис Эбзев. Виктор Лучин, бывший партийный работник, которого ранее ничто не сближало с Зорькиным, тоже решает поддержать его, во многом из желания насолить Ельцину и компании.

Параллельно обостряются споры вокруг личности Вячеслава Савельева — начальника аппарата Конституционного суда, которого привлек и опекал Зорькин. Не всем импонировали его манера поведения, стремление получить значи-

Конституционный суд России долгое время оставался единственным государственным институтом, избежавшим внутренних распрей. Это время кончилось.

тельную власть. И наконец, майский визит шестерых судей к Ельцину. Визитеры надеялись, что их поход останется в тайне. Президент надеялся, что судей будет семеро — большинство. Надежды и тех, и другого не оправдались. И конфликт вышел наружу.

КУЛЬМИНАЦИЯ

Так же как и канцелярия вице-президента, Конституционный суд находился и находится в материальной зависимости от ХОЗУ администрации президента. И вот теперь Зорькина выселяют с дачи в Огарево, которая так ему нравилась (разрешают перебраться на более скромную, но все уже заняты: летний сезон), лишают бронированного лимузина. Аппарату суда задерживают индексирование зарплаты. Намекают, что на большинство судей имеется компромат.

Наконец, в канун Дня независимости России в здании суда меняют всех сотрудников охраны из службы безопасности на милиционеры, спешно переброшенных из МИДа, с телецентра «Останкино» и прочих учреждений. Профессиональная охрана, перед тем как покинуть здание, вывешивает плакат: «Уважаемые сотрудники суда! Согласно указу президента, мы уходим. Спасибо вам за все. Вы можете понять наше состояние». Рядом приписка: «Возвращайтесь!».

Важно, что замена охраны находится в соответствии с законом, даже двумя: о Конституционном суде и об охране государственных учреждений. Предыдущие шаги также не нарушают закон. Исполнительные структуры переняли у суда метод формальной логики и буквального исполнения предписаний, понимая, какой психологический эффект это произведет.

И все-таки вряд ли стоит преувеличивать значение «кремлевского давления». Следует согласиться с Тамарой Морщаковой — по-видимому, наиболее взвешенной и корректной из оппонентов Зорькина: «Как можно говорить о давлении, если у каждого судьи существуют внутренние принципы, через которые он ни при каких условиях не перешагнет. Может быть, мне легче об этом говорить, потому что я никогда не состояла ни в партии, ни в других политических организациях, вообще сторонилась и сторонюсь политики. Я не чувствую себя ангажированной».

Тамара Морщакова формулирует главную претензию судей к своему председателю: арбитр в споре не имеет права быть участником этого спора! Она настаивает, что каждый член суда имеет право высказать свое мнение о другом члене суда, имея в виду Николая Витрука: «Имел он право высказаться? Имел. Имел основания? Тоже имел».

РАЗВЯЗКА?

Тамара Морщакова не считает, что в суде произошел раскол: «Я не понимаю этого слова. У нас все время были разные позиции по обсуждавшимся вопросам. Мы и сейчас можем, все тринадцать, сесть за один стол и начать конструктивное обсуждение. А то, что не у всех друг с другом есть личная приятность в отношениях? Так это же хорошо. Главное, чтобы сохранилось профессиональное понимание».

Хотя «личная приятность» сейчас между судьями и поубавилась, их по-прежнему многое объединяет. Хотя бы то, что больше половины живут в одном подъезде панельного дома на Рублевском шоссе, в одинаковых трехкомнатных квартирах. Каждый день их

жены встречаются в магазине, а дети (примерно одного возраста) играют вместе во дворе.

Но вернемся на Ильинку. «Всех сейчас интересует, состоится ли смена председателя, — говорит Тамара Морщакова. — По-моему, любой судья, который связал себя с политикой, должен сам подать в отставку».

Зорькин молниеносно откликнулся: «Некоторые судьи, насколько я слышал, высказывают свои различные точки зрения. Это их право». И заявил, что в отставку не подаст и что работа в суде идет спокойно.

Последнее близко к действительности. Судьи изучают дела, принятые к рассмотрению, и не склонны драматизировать внутренние противоречия.

В странном положении оказался Николай Витрук. Видимо, он должен сдерживать обещание и подать в отставку, поскольку «не считает возможным продолжать работу с нынешним председателем». Ибо если председатель сам не уйдет в отставку, его нельзя ни переизбрать, ни сменить. Согласно Закону о Конституционном суде, «полномочия судьи прекращаются по его просьбе об отставке, достижении 65 лет, вступлении в силу обвинительного приговора, в случае признания недееспособным, смерти». «Судья не может быть освобожден от должности председателя иначе как по личному заявлению о сложении с себя этих полномочий».

Конечно, существуют разные способы парализовать работу суда, чтобы заставить председателя уйти. Например, несколько судей подают в отставку. Тогда суд формально продолжает существовать, но оказывается неправомочен выносить вердикты.

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА

Пока идет проверка на прочность нервов председателя и шестерых его сторонников, в кулуарах суда уже вяжущо идут дебаты о его дальнейшей судьбе.

Мнение первое: Суд как гарант преемственности властей должен продолжать работу в нынешнем составе, несмотря ни на какие обстоятельства, включая принятие новой конституции.

Мнение второе: После принятия нового основного закона необходимо переизбрать весь состав суда по формуле: треть кандидатов назначает президент, треть — законодательная власть и треть — высшее судебное присутствие.

Мнение третье: Все 13 судей давали присягу на Конституции 1978 года, где клялись «подчиняться только Конституции РСФСР, ничему и никому более». Следовательно, после принятия новой конституции каждый должен пройти переприсягу. Возможно, одна-два человека не захотят этого делать по принципиальным соображениям — так и произойдет отсев.

Пока, однако, новая конституция существует лишь в проекте. Поэтому Конституционный суд остается «основой конституционного порядка в стране», как на днях заметил Валерий Зорькин. Парадокс в том, что обе ветви тянут суд на себя, хватаясь то за кнут, то за пряник.

Еще в канун вступления в должность судья Гадис Гаджиев говорил: «Член Конституционного суда должен быть вне политики, вне всяких воздействий. Он должен обладать тем, что римские юристы называли «аквидас».

«Аквидас» — добродетель, достоинство, благородство, справедливость... Победит ли этот приоритет в конфликте на Ильинке? Не окажется ли логика борьбы и политических интриг сильнее профессиональных принципов?

Владимир ОРЛОВ